Глава 583 Традиционное семейное учение.

– Почему? – Холодно спросил Рафаэль, изменившись в лице.

– Нет особой причины. – Фалес остановился возле портрета «Одинокого Паруса» Ноя Алмонда, стиснул зубы и поднял голову. – Я просто хочу увидеть его.

Рафаэль покачал головой.

– Не думаю, что это…

– Я знаю, что он здесь. – прервал его Фалес, настаивая на своём, между тем пытаясь привести мысли в порядок. – После банкета его отвели прямо сюда.

В коридоре Отделения Секретной Разведки под бдительным наблюдением предыдущих глав Рафаэль буравил Фалеса пристальным взглядом.

– Что ты собрался делать?

– Ничего я не буду делать. – Фалес успокоился и решительно произнёс. – Но он один из тех «беспорядков», что остались после меня. Я должен его увидеть. Немедленно.

Глядя на непреклонный вид Фалеса, Рафаэль нахмурился.

– Я не в праве принимать такое решение, мне нужно сначала спросить разрешение милорда, завтра…

– Ты весь день уклоняешься от меня. – Бесцеремонно перебил его Фалес. – Хотя бы ради общего прошлого ты можешь быть хоть немного полезен?

Рафаэль поджал губы.

Но в этот момент.

– Если вы действительно хотите с ним увидеться, Ваше Высочество Фалес, это не невозможно.

Двое парней одновременно повернули головы.

Говорившим был старый знакомый с тростью.

Он почтительно и скромно стоял под портретом «Бледного Барона» Санчо Дойля.

– Норб? – Рафаэль с удивлением посмотрел на прибывшего. – Что ты здесь делаешь?

Как высшее должностное лицо Отделения Секретной Разведки в Западной Пустыне, Норб не ответил, а просто спокойно посмотрел на Фалеса.

Принц взглянул на Рафаэля и повернулся к Норбу.

– Ты серьёзно, Норб? Ты действительно можешь отвести меня к нему? Анкеру Байраэлю?

Норб кивнул и почтительно поклонился.

– У меня есть на это полномочия. Пожалуйста, следуйте за мной.

Фалес облегчённо выдохнул и направился вперёд.

– Погодите. – Рафаэль с мрачным выражением лица крепко сжал плечо Фалеса. – Норб, тебя это не касается. Не вмешивайся в моё дело.

– Эй… – Начал было возмущаться Фалес. Но Норб слегка махнул тростью, давая принцу понять, что не стоит беспокоится.

– Послушай меня, Рафаэль. – Искренне и терпеливо произнёс Норб. – Анкер Байраэль – дворянин Западной Пустыни. В этом случае, думаю, мой многолетний опыт тайного пребывания в тех местах может помочь…

– Я в этом не нуждаюсь. – Не раздумывая отказался Рафаэль.

Но в этот раз Норб не уступил.

– Но это нужно милорду. – Глава филиала Разведки в Западной Пустыне равнодушно произнёс. – Вообще-то, он поручил мне допрос и расследование дела Анкера Байраэля, прежде чем его передадут в зал суда.

Рафаэль опешил.

– Когда?

– Только что. – Без колебаний ответил Норб. – И я думаю, если позволить Его Высочеству встретиться с ним, это может помочь делу.

В этот момент Рафаэль нахмурился и посмотрел на Норба, который в ответ невозмутимо глянул на Человека Бесплодной Кости.

Два члена Секретной Разведки скрестили взгляды.

– Ваше Высочество, – Норб слегка протянул руку в сторону. – Пойдёмте?

Фалес посмотрел на Рафаэля и решительно двинулся вперёд.

– В самом деле… – Проходя мимо Человека Бесплодной Кости, Фалес недовольно взглянул на Рафаэля и язвительно произнёс. – Зачем ты мне нужен? Коэн Карабеян.

Рафаэль стоял неподвижно, его лицо словно погрузилось в ледяную воду.

Норб слегка улыбнулся и развернулся, чтобы проводить Фалеса.

– Рафаэль, если ты переживаешь, можешь к нам присоединиться. – Он снова стал дружелюбным и скромным.

Рафаэль ничего не ответил, его лицо было похоже на застывшую маску.

Фигуры принца и Норба удалялись всё сильнее.

Человек Бесплодной Кости холодно посмотрел на «Чёрного Вестника» Мейсона Джонвеледа с портрета напротив, после чего сделал шаг и быстро последовал за ними.

Вскоре Фалес понял, что место, куда он направляется – далеко не обычное.

Они завернули за неприметный угол и ступили на каменную лестницу, ведущую под землю.

В отличие от пустынных коридоров на поверхности, подземные проходы Секретной Разведки тщательно охранялись и часто преграждались множеством запертых ворот. Одних только полицейских собак-ищеек Рудо они встретили несколько групп. Даже при том, что Рафаэль и Норб расчищали путь, Фалес всё равно чувствовал, что продвижение даётся медленно и с трудом.

– Необходимые проверки безопасности. – Терпеливо объяснил Норб, пока его осматривал охранник. – К тому же, из-за вашего присутствия, они стали ещё серьёзнее.

Фалес натянуто улыбнулся и уставился на собаку Рудо, которая приблизилась к нему вплотную, чтобы получше его обнюхать.

Когда стражники открыли тяжёлые железные ворота и пропустили их в очередной сырой и затхлый коридор, с обеих сторон в непроглядной тьме поднялось безумное волнение.

– Да сколько можно! Вы дадите людям хоть немного поспать? Сначала была утрачена крепость, потом потеряли Северные Земли, а сейчас вы намерены лишить меня ещё и дипломатического достоинства?!

– Ваше Высочество! Ваше Высочество Мидье! Вы… Ваши ноги исцелились? Потрясающе! Я знал, что тем презренным негодяям не удастся осуществить свои коварные планы по узурпации власти и смене наследника престола… Нет, Ваше Высочество, вы должны остановить Его Величество, ему нельзя брать в жёны ту женщину…

– Он пришёл с нашёптываниями дьявола, он пришёл с интригами богов, он пришёл с самой ужасной судьбой на свете…

– Они, должно быть, скрывались уже очень давно. Они тайно сотрудничают с мятежной армией. Кроме того, они хотят вынудить его превосходительство герцога объявить себя королём, вторгнуться в Город Вечной Звезды и сменить династию! Все, да, все они несомненно сговорились убить герцога! Звёздный Свет, Звёздный Свет, да здравствует Звёздный Свет! Кто-то… кто-то обязательно должен заплатить за это…

– Чёртовы ублюдки! Я знал, что с той битвой у алтаря что-то не так! Проклятая чушь о «покорителях» Алтаря Бога Пустыни! Что за вздор!

– Послушайте меня, это Сиршка, кронпринцесса Сиршка, это должно быть она! У неё есть родственники в Городе Лозы, а люди там специализируются на лекарственных травах и разбираются в этом лучше всех… а ещё эти спекулянты из Торговой Палаты Ароматов, они всегда были недовольны политикой наследного принца и создавали проблемы вместе с Бандой Кровавого Вина…

Во мраке тюремных камер, расположенных по обеим сторонам прохода, не получалось ясно рассмотреть фигуры запертых людей, но скорбные вопли и жалкие всхлипы смешивались воедино и своим шумом вызывали у Фалеса тревогу и беспокойство.

– Это особая тюрьма Секретной Разведки, она немного мрачная и состав её постояльцев несколько разнороден. – С неизменным выражением лица произнёс Норб, не обращая внимания на шум вокруг. – Пожалуйста, потерпите немного.

Фалес слегка кашлянул.

– Эти люди…

– Они уже очень давно были признаны виновными залом суда. – Вмешался Рафаэль. – Их следовало бы пожизненно заточить в Тюрьму Костей. Но у некоторых из них особая личность, другие по-прежнему имеют определённую ценность, а третьи не совсем подходят для отбывания наказания за пределами Секретной Разведки.

– Если бы Кол не погиб в Лагере Клинковых Клыков, его бы арестовали и тоже доставили сюда. – вздохнул Норб.

Рафаэль впился в него взглядом.

– Как вы можете видеть, многие из них сошли с ума. Они затаили обиду и наполнены жаждой мести, поэтому, естественно, их воля ослабла.

Норб покачал головой.

– Нет, они просто погрузились в прошлое и не могут из него выбраться.

Рафаэль не отводил от него глаз, и его взгляд становился всё более резким.

Погрузились в прошлое.

Лицо Фалеса слегка омрачилось, и из глубин его памяти всплыла мистическая тропа в недрах горного склона Города Драконьих Облаков под названием Чёрный Путь.

Норб вздохнул.

– Я до сих пор помню слова лорда Хансена: уметь забывать – величайшее счастье.

Рафаэль тихо фыркнул.

– Почему же я этого не помню? Когда он такое говорил?

Норб слегка улыбнулся.

– Тридцать лет назад.

Тридцать лет.

Рафаэль внезапно замолчал.

Фалес не мог не спросить:

– Тогда, сколько тебе лет?

Посреди несмолкаемых криков Норб уважительно склонил голову.

– Сорок два.

Фалес состроил удивлённую гримасу, но ничего не сказал.

Они снова прошли через железные ворота, оставив за ними вой и причитания.

Их взору открылось два ряда камер с глухими железными дверьми и массивными замками. Для

связи с внешним миром служили лишь небольшие окошки, расположенные по одному на каждой двери.

И тут Фалеса кто-то окликнул.

– Я знал, что ты придёшь, – Из-за двери одной из камер послышался приглушённый низкий голос, показавшийся Фалесу смутно знакомым. – но не ожидал, что это произойдёт так скоро.

Принц нахмурился и повернул голову: в проёме показалось измученное, побитое жизнью и безжалостным временем лицо.

– Кстати, малец, вино прошлой ночью действительно было ужасным. – Сказал мужчина с неряшливым, но волевым лицом. Он крепко сжимал железные прутья в окошке и твёрдым взглядом пристально смотрел на Фалеса. – Похмелье до сих пор не проходит.

Рафаэль и Норб переглянулись, оба хотели что-то сказать, но промолчали.

Фалес немного помолчал, а затем холодно хмыкнул.

– Конечно, куда ему до здешних вин.

– Лорд Арунде.

Принц двинулся дальше, оставив Вала Арунде позади.

Норб немедленно последовал за ним.

– Я же говорил, что у него будут большие проблемы. – Заключённый герцог-защитник Северных Территорий недовольно следил за удаляющимся силуэтом Фалеса. – Намного больше, чем у тебя, малыш Бесплодного племени.

Услышав такое обращение, отставший Рафаэль остановился и посмотрел на Вала за железными дверьми со смешанными чувствами.

– В будущем ешьте больше овощей, милорд. – Рафаэль долго смотрел на него, а затем медленно произнёс: – Не стоит налегать только на выпивку.

Сказав это, Человек Бесплодной Кости развернулся и собрался уходить.

– Подожди минутку.

Рафаэль оглянулся.

Вал опёрся локтем о низ окошка и несколько секунд молчал, прежде чем медленно протянуть сквозь решётку сложенный лист бумаги.

Рафаэль нахмурился.

– Вы же знаете, она не ответит на ваше письмо.

Глаза Вала потускнели.

– Я знаю.

Взгляд герцога упал на руки Рафаэля.

Тот подсознательно убрал их за спину.

– Но, по крайней мере, это позволит тебе увидеться с ней, мой мальчик. – Погрузившись в воспоминания, сказал Вал.

Рафаэль долго смотрел на него и наконец вздохнул. Он подошёл к двери, взял письмо и аккуратно убрал его в карман.

– Хорошо. – Вал через силу улыбнулся. – Спасибо.

Но в следующее мгновение выражение лица Человека Бесплодной Кости снова вернулось к прежнему безразличию.

– Но мы используем только почтовых воронов.

С этими словами Рафаэль грубо закрыл заслонку окна. Оставив лицо Вала в непроглядной тьме.

С Норбом во главе Фалес наконец добрался до своей цели – просторной камеры.

– Жила на свете девушка

Красива и добра.

Но выпала той девушке

Несчастная судьба:

Её родная матушка

До срока умерла.

Но не успели они ступить в камеру, как до их слуха донеслась непристойная песенка.

– И вот пришёл к ней пьяница,

Развратный старикан.

И добрую красавицу

На койку завлекал.

Но девушка развратника

Решила угостить:

Суп с мясом, как на праздники,

Готов уже стоит.

Пение исходило от мужчины, который, казалось, сиял от удовольствия и энтузиазма.

– Это мой подчинённый. – Смущённо признался Норб принцу. – Я приказал ему начинать без меня.

Фалес кивнул, и они прошли в камеру под звуки напеваемой мужчиной песни.

Тут было темно, сыро и угнетающе.

Первое, что бросалось в глаза – всевозможные жуткие орудия: дыбы, дробилки голов, колеса для вытягивания жил, кушетки для сдирания кожи, стулья ведьмы, кровавые колыбели… и это только то, что Фалес смог узнать – в детстве он видел очень похожее место рядом с казино Чёрное Золото на Черной Улице. Что касается тех орудий, что он не признал – ещё больше мелких приспособлений и инструментов было разложено на множестве тележек.

Настроение Фалеса моментально испортилось.

В центре комнаты появилась фигура толстого мужчины, одетого выше пояса только в фартук, перчатки и капюшон. Он задорно напевал, пожимал плечами и ритмично перебирал инструменты на тележке.

– Щипцы сжимают намертво

Распутнику яйцо,

И крутятся, и вертятся,

Совсем как колесо.

Старик от боли бешеной

Проснулся ото сна.

И громко, словно резаный,

Зашёлся криком: А-а-а-а-а!!!

А девушка с улыбкою,

Узрев такой расклад,

Взялась с огромной силою

Щипцы крутить назад.

Как шампура над пламенем,

Привычно, без прикрас,

Щипцы крутила девушка

По девять с чем-то раз.

Затем не острым ножиком,

Как приговор небес,

Проткнув мешочек кожаный,

Расширила разрез.

Анкер Байраэль, преступник, ворвавшийся на королевский банкет, неподвижно лежал на центральной кушетке с закрытыми глазами и полностью раздетый.

Он явно находился без сознания, его конечности были связаны, а всё тело усыпано ранами и синяками. И только рванная тряпка, заляпанная каплями крови, прикрывала причинное место.

Сердце Фалеса сжалось, когда он посмотрел на кровавые пятна, покрывшие под ним всю кушетку.

Возможно, дело в плотном капюшоне, но напевавший толстяк так и не заметил движения за спиной.

Одной рукой он поднял молоток, а другой размахивал над головой щипцами. Его неистовый танец сопровождался покачиванием зада и вращением живота под звуки задорной песенки:

– Развратник криком жалобным

Взмолился перед ней:

Помилуй, будь же праведней,

Чуть мягче и добрей.

Будь, как вчерашним вечером,

Послушна и нежна.

Будь снова сладким сахаром,

Радушна и дружна!

Старик, ты ошибаешься,

Забудь весь этот бред!

Не ангел, не фантазия,

Я злобный людоед.

Сегодня я голодная,

Без мяса и без круп.

И кстати, пища вкусная?

Как вам вчерашний суп?

В кровавой, ужасной, темной и жуткой камере пыток этот толстяк, который с таким энтузиазмом тряс жиром и страстно танцевал, был настолько очаровательным и своеобразным, что Норб решился привлечь его внимание лишь неловким кашлем.

– Гомес [1].

Толстяк, похоже, не слышал. Он продолжал трясти талией, оттопырил зад и соблазнительно шлёпал себя молотком по ягодицам прямо перед тремя посетителями.

Норбу пришлось увеличить громкость:

– Гомес!

С двумя характерными звуками *дзынь* молоток и щипцы приземлились на пол.

Толстяк застыл на месте с выпяченным задом, и песня тут же прекратилась.

В комнате стало тихо.

Толстый мужчина по имени Гомес вздрогнул, снял капюшон и, спотыкаясь, обернулся. Он был поражён, заметив сначала только Фалеса.

– Фух!

Гомес перевёл дух и вытер залитое потом лицо – последствия энергичного танца.

– Ты откуда взялся, сопляк? Ты знаешь, что нельзя так пугать людей…

Норб вышел из темноты.

– Гомес, это Его Высочество Фалес.

Гомес снова замер.

А через несколько секунд…

– Ах, Норб, ты довольно рано. Хорошо сегодня выглядишь. А я тут разминаюсь, хе-хе, да, разминаюсь. – Сначала толстяк пытался оправдаться, но, когда осознал слова собеседника, его лицо мгновенно изменилось. – А? Ты сказал Его… Его… Его Высочество?

Он уставился на невозмутимого Фалеса и несколько раз прошёлся по нему с головы до ног оценивающим взглядом.

– А-а-а, Ваше Высочество Фалес!

Гомес сразу же нацепил на лицо льстивое выражение и попытался посильнее прикрыть

фартуком свою тяжёлую жирную грудь. От волнения его речь стала сбивчивой и бессвязной.

– Я тот из Западной Пустыни, тот самый… ну тот! Вы помните?.. Да, именно тот!

К сожалению, его свирепый облик с голой грудью, полностью покрытой потом и кровавыми пятнами, уменьшили эффект от его заискиваний на половину.

Фалесу ничего не оставалось, кроме как улыбнуться ему в ответ.

– Разбуди заключённого. – Норб от стыда только и мог, что беспомощно прикрыть лицо рукой.

Гомес лестно улыбнулся и со словами «как пожелаете» подобрал окровавленные щипцы и с энтузиазмом направился к лежащему на кушетке Анкеру.

Фалес побледнел.

– Погоди. – Норб вовремя остановил его, взглянув на Фалеса. – Будь с ним полегче.

Гомес смущённо опустил голову, откинул щипцы, заменив их ведром холодной воды, и вылил его на Анкера.

– Кхе, кхе, Тина, кхе, кхе, кхе… – Анкер, облитый холодной водой, возбуждённо сел на кушетке, словно проснулся от кошмара. – Тина… кхе, кхе…

Он болезненно откашлял воду и, слабый от истощения, медленно повернул голову набок, только чтобы увидеть, что его руки и ноги связаны. В этот момент он понял, что его кошмар всё ещё продолжается.

– Разве мы не договаривались сделать перерыв на четверть часа… – Анкер обессиленно откинулся на кушетку. Он уже был на последнем издыхании. – Уже глубокая ночь, но я не устал… Вы тоже… не устали?..

Фалес посмотрел на его окровавленные ногти, воспалённые и покрытые синяками суставы, мало-помалу тускнеющие глаза. От такого зрелища у него перехватило дыхание.

– Эй, приятель, очнись! – Гомес энергично похлопал Анкера по лицу, отчего тот снова приоткрыл сомкнутые веки. – К тебе пришли!

Фалес тяжело вздохнул и подошёл к Байраэлю.

– Анкер Байраэль. Это я.

До этого рассеянный взгляд Анкера постепенно начал фокусироваться.

– Ваше Высочество?

Он с трудом приподнял своё истощённое тело, чтобы более отчётливо рассмотреть подростка перед собой.

– Принц Фалес?

Дыхание Анкера участилось, его грудь тяжело вздымалась и опускалась, а на лице появилась слабая улыбка.

– Как сегодня ваши дела?

Он весь дрожал. Под сползшей чуть ниже тряпкой всё было испачкано кровью. Иногда край ткани задевал открытые раны, отчего он не мог сдержать болезненные стоны, а на лбу проступал пот. [2]

Фалес подавил тошноту, помог поправить тряпку и жестом предложил ему лечь обратно.

– Я хочу поговорить с ним наедине. – Сказал он людям, стоящим за его спиной. – Сейчас.

Рафаэль и Норб переглянулись.

Норб взглядом подал знак Гомесу, и тот неохотно достал бурдюк военного образца Западной Пустыни.

– Открой рот, парень. – Гомес поднёс бурдюк ко рту Анкера. – Это моё особое вино, приготовленное по специальному рецепту. Оно обладает обезболивающим и тонизирующим эффектами… чёрт возьми, не пей слишком много, оно дорогое!

Пока Гомес кричал с перекошенным лицом, Анкер, наконец, перестал прикладываться к горловине бурдюка и со смехом упала на кушетку.

Рафаэль хотел что-то сказать, но Норб похлопал его по плечу и потянул за собой недовольного Гомеса.

Все трое покинули камеру пыток.

Фалес и Анкер остались одни.

– Это бесполезно, Ваше Высочество. – Со связанными конечностями Анкер с трудом повернул голову и прерывисто произнёс – Это Секретная Разведка. Как только вы уйдёте, они снова вернутся и заставят меня повторить всё, что я вам рассказал.

Фалес смотрел на измученного Анкера, избегая взглядом раны на его теле.

– Я знаю – Сказал подросток с тяжёлым сердцем. – Я просто хочу, чтобы ты чувствовал себя более непринуждённо.

Анкер спокойно разглядывал его с усталой улыбкой на лице.

– Вы хороший человек, Ваше Высочество. Однако, такой добрый и великодушный человек, как вы, смог ли найти способ не стать чужой пешкой?

Фалес застыл, его глаза слегка затуманились.

«Чем вы отличаетесь от них?»

Последние слова, которыми он ответил Анкеру на королевском банкете были всё ещё свежи в его памяти: «Просто я… я понимаю… другие шахматные фигуры.»

«Этот человек… Он решил довериться мне, поэтому отпустил меч. И что я могу для него сделать?»

Думая о пережитом в Комнате Балларда, Фалес поджал губы, желая что-то сказать, но

промолчал.

– Я понимаю. – Увидев выражение лица принца, Анкер кое-что понял и тяжело вздохнул. – Простите, что доставил вам столько неприятностей. Будь то вчера, или сейчас.

Фалес глубоко вздохнул и заставил себя подавить свои негативные эмоции.

– Нет, дело всё ещё на рассмотрении, ещё есть возможность всё изменить.

Анкер откинулся на кушетку и приглушённо фыркнул.

– Не нужно меня утешать, Ваше Высочество. Семья Байраэль давно обанкротилась, и у нас в карманах гуляет ветер. – Он горько улыбнулся. – Кроме того, прежде чем приехать сюда, я изучал законы королевства…

– Вооружённое покушение на членов королевской семьи, несомненно, карается смертной казнью, не говоря уже о других моих преступлениях: я посеял раздор между Западной Пустыней и короной, поссорил Семь Слуг и Дворец Возрождения, испортил ваши отношения с Его Величеством и даже затронул множество весьма щекотливых секретов, стоящих за «Приказом об оценке земель», о которых не принято говорить, и которые у всех вызывают головную боль.

– Все заинтересованные стороны в столице будут счастливы сбросить камень на упавшего в колодец. – Анкер неподвижно уставился в потолок, щурясь от тусклого света лампы. – Я безнадёжен.

Фалес, не глядя, сел на другую кушетку или на одно из кресел для пыток, и туго свёл уголки губ.

– Не обязательно. – Герцог Звёздного Озера вспомнил недавние слова Чёрного Пророка и заставил себя улыбнуться. – Я могу придумать способ как замять инцидент с покушением на королевскую семью. Что же касается остального, я могу пойти «пообщаться» с бароном Дойлом и посоветовать ему быть добрее.

Принц изо всех сил пытался выстроить придуманные слова в чёткие и хотя бы немного изящные предложения. По крайней мере, чтобы они не казались сильно уж бледными и слабыми.

– До тех пор, пока обе стороны согласны, долг между вашими семьями может быть окончательно урегулирован. По поводу земельного спора между городом Каркающего Ворона и Зеркальной Рекой…

– Нет, Ваше Высочество.

Анкер прервал его. Этот молодой аристократ из Западной Пустыни сдерживал горькую улыбку. Глядя на Фалеса тёплым, но отчаянным взглядом, он слабо, но решительно покачал головой.

– Мы оба понимаем, что это давно уже не проблема города Каркающего Ворона и Зеркальной Реки.

Фалес проглотил готовые было сорваться с языка слова, не зная, что на это ответить.

– Ваше Высочество, вы знаете нынешнее положение дел в Западной Пустыне?

Лёжа на кушетке, Анкер молча смотрел на принца, но его глаза были покрыты пеленой, будто он уставился вдаль, всматриваясь в противоположенный берег Адской Реки.

– После Войны в Пустыне Лагерь Клинковых Клыков и Регулярная Королевская Армия стали острым клинком, вонзившимся прямо в сердце Западной Пустыни.

– Военный контроль над Западным Фронтом сдерживал эгоистичных, нетерпимых к чужакам, консервативных и разобщённых лордов Западной Пустыни, и стал лучшим поводом для Дворца Возрождения навязать свою власть в этом регионе: Указ об оценке земель и Указ об открытых приграничных округах [3] заставляли землевладельцев в злобном бессилии скрежетать зубами.

Фалес нахмурился.

Он подумал о Благословенном Городе и о тяжёлом положении всего региона, про которое ему рассказывал Дерек Крома, граф Форта Крыла, когда они возвращались из Западной Пустыни в Город Вечной Звезды.

– Да, всё верно! Ради того, чтобы вытащить отца из этого бардака, отыскать возможность обернуть ситуацию на пользу семье и найти лазейку в договоре, я прочитал все официальные документы, постановления, разрешения и всю деловую переписку между Западной Пустыней и Центральным Холмом за последние десять лет, выучив это всё практически наизусть.

Анкер покраснел и слегка улыбнулся. Его тяжёлое дыхание стало намного ровнее, стихли приглушённые стоны и вздохи, а паузы между словами практически полностью исчезли. Похоже, вино Гомеса начало действовать.

– Однако, десять лет спустя хитрые, расчётливые, безразличные и ленивые лорды Западной Пустыни нашли самый бессовестный способ решить эту проблему.

Бессовестный способ?

Фалес был поражён.

«Душевное состояние Анкера немного улучшилось,» – Напряжённо думал Фалес. – «нельзя больше позволять ему падать духом.»

– С одной стороны, они не стеснялись лгать о своей безоговорочной поддержке, для убедительности передав полный контроль над Лагерем Клинковых Клыков в руки военных. С другой стороны, они нарочно смотрели сквозь пальцы на подстрекательства и раздувание до небес обиды и ненависти среди мелких и средних дворян из низов.

– Со временем этот клинок стал для короны обузой: если воля короля не могла пройти проверку на соответствие военному времени, она сразу же теряла легитимность. Стало невозможно осуществить ни один указ без поддержки Регулярной Королевской Армии, а представители Дворца Возрождения не пользовались уважением, если только это не сам Легендарное Крыло.

– Локальные конфликты, такие как между моим домом и домом Дойлов, становилось всё труднее и труднее разрешить…

Взгляд Анкера постепенно становился более сосредоточенным, и он упорно продолжал говорить, будто осознавая, что ему не долго осталось до конца его короткой жизни.

– Это превратило линию фронта в оберег для лордов Западной Пустыни – они хотят медленно приручить этот клинок, ассимилировать и сделать его для короны одновременно как козырем, так и оковами. Точно так же, как мой бесстыжий отец, который без зазрения совести волочил по земле свою доверху набитую долгами задницу, оставляя кредиторов бессильными перед ним. Ха-ха-ха…

Ложь, подстрекательства и бесстыдство…

Фалес глубоко вздохнул.

Он снова вспомнил о том, как Гилберт рассказывал ему про «разделённую Западную Пустыню».

Однако Анкер сменил тему разговора.

– В результате, этот острый клинок в сердце Западной Пустыни превзошёл ожидания обеих сторон, и ситуация превратилась в перетягивание каната.

Анкер вдохнул полной грудью, наслаждаясь тем коротким моментом без чувства боли, что принёс ему напиток.

– Люди Западной Пустыни страдают: этот острый клинок застрял в их уязвимом месте. Это всегда было для них словно шип в глазу, заноза в теле [4], но они всё равно терпят эту боль, пытаясь в будущем всё же впитать, переварить, и превратить его в свой оберег.

– Дворец Возрождения тоже устал: рука, которая держит клинок, требует больших расходов, но его нельзя ни вонзить глубже, ни выдернуть совсем. Вот и остаётся только что стоять на месте, не наступая и не отходя назад: если продвинуться вперёд, то это вызовет массовые волнения и беспорядки, а выгода не будет стоить затраченных усилий, если отступить назад, то это сведёт на нет достигнутые успехи и сделает всю затею бессмысленной.

Взгляд Фалеса необъяснимо преобразился. В этот момент он словно увидел черно-белую шахматную доску:

С одной стороны – превосходный и величественный Жезл Созвездия в руке его отца, а с другой – неприметная деревянная трость в руке Факенхаза.

– Обе стороны ждут, и обязательно дождутся, дождутся подходящего случая.

– Это может быть война с другим государством, кризис, великое событие. Люди Западной Пустыни ждут благоприятного момента для изменения ситуации в свою пользу, а Дворец Возрождения ждёт удобный повод для продвижения ещё на шаг вперёд.

Фалес кивнул и вытер кровь, стекающую по лбу Анкера и застилающую его взор. – Я знаю. Например, моё возвращение в страну, или смена власти в Лагере Клинковых Клыков, или вторжение Бесплодного и Смешанного племени – обе стороны воспользуются суматохой, чтобы сделать свой шаг и подготовить следующий, исходя из ситуации. Или же…

Фалес не стал продолжать, а спокойно смотрел на Анкера.

Анкер расплылся в улыбке и слегка кивнул.

– Вот почему я понял, что единственная надежда для отчаявшейся семьи Байраэль спастись –

это воспользоваться этой возможностью. Позволить делу моей семьи взметнуться на самый верх в порывах разразившейся бури и оказаться в центре всеобщего внимания.

Фалес опустил голову и вздохнул.

– Поэтому я должен был умереть. Желательно на банкете, в ходе дуэли, как герой, чтобы оставить своей семье спасательный круг и сохранить семейное состояние, земли и титул.

Анкер приподнял верхнюю часть тела, не обращая внимания на открывшиеся раны. Его дыхание стало учащённым, а голос звучал намного резче, как будто снова прорывался сквозь звон мечей вчерашней битвы.

– Перед…

– Перед вами…

Анкер застывшим взглядом уставился на принца. В его глазах плескались беспомощность, недоумение и немного мольбы, о которой он сам и не подозревал.

Рука Фалеса стала слегка подрагивать.

– Теперь, раз уж всё так вышло…

Анкер, кое-что осознав, снова откинулся на кушетку и печально замолчал. Через какое-то время он продолжил:

– Никто не может спасти меня, Ваше Высочество.

– Даже вы.

– Вы.

Фалес потерял дар речи.

Он был прав.

Он не может спасти его.

Он даже не смог дать отпор своему отцу в Комнате Балларда.

Некоторое время в камере пыток царила тишина.

– Мне очень жаль – С трудом произнёс Фалес, чувствуя, что его голос звучал сухо, монотонно и незначительно.

– Не стоит.

Анкер повернул голову и слегка улыбнулся. Но его глаза были наполнены мраком.

– Спасибо, Ваше Высочество. Спасибо вам за то, что, столкнувшись с несправедливостью по отношению к другим, перед отчаянными мольбами и страданиями посторонних людей… Вы не остаётесь равнодушными и не отворачиваетесь, махнув рукавом. Хоть и могли бы. Спасибо за вашу доброту на банкете.

Доброта.

Фалес не мог не вспомнить слова Зайена:

«Пока ты не задушил его надежду силой: независимо от того, победит он в поединке или проиграет, останется жив или умрёт, убьёт принца или никогда не добьётся пересмотра дела – его семья никогда не увидит дневного света.»

«Ты воспользовался его человечностью и заставил его отказаться от дуэли, заставил влачить бесчестное существование. Твой зашкаливающий эгоизм лишил его милосердия смерти.»

«И кто теперь безжалостный человек?»

Принц слегка подрагивал.

– Спасибо, что сдержали своё обещание и смогли прийти сюда, что выслушали мою точку зрения, или, скорее, мои последние слова. – Произнёс Анкер искренне и без задних мыслей.

– Спасибо за вашу снисходительность, справедливость, порядочность и мудрость, о которых так часто говорится в слухах.

Анкер уставился в потолок, но уголки его рта приподнялись в улыбке, как будто он смотрел на прекрасные виды из своих снов.

– Хоть здесь и нет солнечного света… но всё же тут не так уж и темно, верно?

Фалес не мог больше это слушать и ударил ладонью по поручню кушетки.

Он сделал глубокий вдох и отвернулся.

– Анкер, я обещаю тебе, дело твоего отца и семьи Дойл…

– Это уже не важно.

Анкер с пустым взглядом покачал головой.

– Я знаю своего отца, Ваше Высочество. Этот чёртов ублюдок был высокомерным, расточительным, честолюбивым и самоуверенным подонком.

Лицо парня из Западной Пустыни выражало презрение и крайнюю степень отвращения.

Фалес удивлённо взглянул на него.

– Анкер…

– Замужество с ним было самым большим несчастьем в жизни моей матери, а женитьба на ней – величайшей удачей для моего отца.

Анкер тихо фыркнул.

– Да, чтобы привлечь внимание людей, на банкете я был не совсем честен: то, что случилось с моим отцом, было исключительно его виной. – Он смущённо улыбнулся Фалесу. – Я знаю это, и всегда знал.

– Даже, если бы Дойл не вынудил его растратить всё семейное состояние, он в конце концов всё равно бы пал от рук кого-то другого.

– В этом некого винить.

– И тем более в этом нет вашей вины.

Фалес ничего не говорил, он просто опустил голову и крепко взял Анкера за руку, почувствовав в ответ ещё более крепкую хватку, после чего продолжил выслушивать его исповедь. Прямо как в Тюрьме Костей.

Анкер, словно в прострации, как как маленький ребёнок рассказывал о своих бедах и огорчениях.

– По правде говоря, на протяжении всего моего детства, занятие, которое давалось отцу лучше всего – это хлестать свою жену и детей. Впрочем, это относится к большинству отцов в Западной Пустыни.

– В Башне Искоренения учитель Клодье [5] как-то сказал, что я очень проницательный и чувствителен к атакам врага, а также, что мне идеально подходит стиль меча «Розы». – Говоривший до этого с презрением Анкер не выдержал и громко рассмеялся. – А я только и мог ему ответить, что это результат упорных тренировок с самых юных лет, традиционное учение нашей семьи.

– Традиционное семейное учение, семейное учение, ха-ха-ха-ха…

– Хочешь – верь, хочешь – нет, – Прошептал Фалес – Но мою способность хорошо переносить побои можно также считать традиционным семейным учением.

Анкер взглянул на него, и они улыбнулись друг другу.

– Возможно, нам следовало встретиться раньше и обменяться опытом…

Но улыбка молодого человека из Западной Пустыни стала горькой, натянутой и тяжёлой.

Фалес молча слушал. Как будто это было последнее, что он мог для него сделать.

Байраэль выдохнул.

– Я никогда не был близок со своим отцом, и уж тем более не собирался расплачиваться за весь тот беспорядок, который он по собственной глупости после себя оставил.

Анкер покачал головой, тяжесть в его глазах постепенно развеялась.

– Но ни у кого из нас нет выбора, не так ли?

– Особенно в вопросе происхождения.

Никогда не был близок со своим отцом.

У нас нет выбора.

Особенно в вопросе происхождения.

Задумавшийся Фалес только сейчас почувствовал, что хватка на его руке стала сильнее, и Грех Адской Реки слегка зашевелился.

– Анкер… – Принц стерпел боль и легонько похлопал Анкера по руке, чтобы он немного расслабил ладонь.

Однако, Анкер Байраэль лишь безучастно смотрел в пустоту.

– Но мои братья и сестры ни в чём не виноваты, как и наша мать. Их не должна тяготить тень нашего отца, как это произошло со мной. Им нужно покинуть Западную Пустыню и посмотреть мир за её пределами, как я им и обещал.

Анкер пришёл в себя, и его голос наполнился скорбью и сожалением.

– Но я этого уже не увижу.

Фалес закрыл глаза.

Тень отца…

В этот момент он словно увидел фигуру за длинным столом в Комнате Балларда, а ещё массивный трон в дальнем конце галереи Зала Собраний.

– С ними всё будет хорошо. – Принц снова открыл глаза и, как мог, постарался утешить собеседника. – Клянусь, ваши братья и сестры… Я сделаю всё, что в моих силах.

Анкер посмотрел на него и с трудом кивнул.

– Глупо рассчитывать, что семья Байраэль сохранит за собой земли и титул для жизни в комфортных условиях… – Анкер как будто что-то вспомнил и, собравшись с силами, поведал принцу. – Но моя мать… она при жизни оставила определенную сумму денег в Королевском Банке, и документы на вклад находится в руках нашей горничной Тины.

– Когда я умру, этого должно хватить, чтобы поставить на ноги моих братьев и сестёр… хотя это и не точно: в королевской столице всё немного дороже.

Анкер горько улыбнулся.

– Только прошу вас, не позволяйте об этом узнать кредиторам моего отца, в том числе и семье Дойлов. Особенно после того, как земли города Каркающего Ворона заберут назад.

Фалес выдохнул и для большей убедительности изо всех сил постарался придать голосу ощущение спокойствия и уверенности.

– Я позабочусь об этом. – Со всей серьёзностью пообещал Фалес. – В Западной Пустыне герцог Факенхаз с радостью откликнется на мою просьбу, кроме того, Дерек Крома из Форта Крыла – также мой хороший друг.

По правде говоря, он не знал, были ли они его друзьями.

Но он должен был так сказать.

Должен.

Но в следующую секунду ладонь Фалеса затряслась.

Он быстро взглянул на Анкера и увидел, что его грудь от волнения взымается и опадает.

– Анкер, успокойся, побереги силы…

Анкеру понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Всё в порядке, Ваше Высочество.

Он весь вспотел, но всё же постарался улыбнуться.

– Пусть я и стал шахматной фигурой, но это был мой собственный выбор.

Фалес какое-то время смотрел на него со смешанными чувствами.

Но тут у него в голове что-то щёлкнуло.

– Кстати, о шахматных фигурах… – Не спеша произнёс принц.

– Есть ещё кое-что, в чём я не могу разобраться, Анкер.

Анкер медленно повернул голову и недоумённо посмотрел на него.

– Зайен Ковендье, строящий из себя инициатора этого заговора, настойчиво посоветовал мне вчера… – Глубоким голосом проговорил Фалес, стараясь не позволять эмоциям влиять на его рассудок. – Если у меня появится время, навестить тебя в тюрьме.

Ладонь Анкера напряглась.

Герцог Звёздного Озера продолжил суровым тоном:

– Ещё он заверил, что Его Величество будет очень доволен.

– Почему?

– Анкер Байраэль, почему он так сказал?

---

[1] В предыдущих главах, а именно в 423, 484 и 485 этого персонажа звали Гамус, потому что так это имя перевёл анлейт (Gamus), но как мы уже успели убедиться, они вообще часто переводят так, как им вздумается. В действительности имя □□□ нужно переводить как Гомес (в крайнем случае Гомез). Например, □□□·□□□ – это немецкий футболист, выступавший на позиции нападающего, Марио Гомес.

[2] Я не совсем уверен, и надеюсь, что сильно заблуждаюсь (потому что иначе это была бы полнейшая дичь), но есть подозрения, что вся описываемая ситуация немного отличается от того, как она представлена в моём переводе. Не поймите неправильно, не то, чтобы я не стремился однозначно выяснить истинное положение дел, но некоторые моменты в оригинале выглядят немного двусмысленно. Например, описание, где Гомес держит в руках молоток и совершает им разные манипуляции выглядит странно. Не потому, что это реально странное и

ненормальное поведение, а потому что зачем там вообще нужен молоток? Им можно только ломать кости, но, насколько я понял, нет явных свидетельств того, что у Анкера что-то было сломано. Но я бы не обратил на это внимание, если бы в одном из русско-китайских онлайн словарей слово □□ не имело бы двойное значение. (bkrs.info/slovo.php?ch=□□□□□□□□□□□□□□) Первое – это, собственно, молоток, а второе – переносное значение (жаргонное) – половой член. Если верен второй вариант, то вся эта и так жуткая сцена в камере пыток приобретает ещё более мрачный окрас. В пользу этой версии говорит и смысл песенки Гомеса, и большое количество крови на кушетке Анкера, и момент со сползшей тряпкой, прикрывавшей гениталии Анкера. Так, можно понять, что под этой тряпкой была рана, которая доставляла довольно сильные болезненные ощущения при любом движении. И эта сцена вызвала тошноту у Фалеса, хотя мы можем предположить, что за всю свою богатую на разную жесть жизнь, он повидал не мало обычных ранений. Есть у этой версии и нестыковки. Когда Гомес всё-таки услышал, как его окликнули, то выронил оба предмета, что держал в руках, и упав, они ОБА издали металлический звон, то есть косвенно подтверждается, что это всё-таки молоток. В общем, всё очень мутно и непонятно, поэтому пусть пока что эта версия останется только в примечании переводчика, надеюсь, я ошибаюсь, и это всего лишь моё недопонимание. В любом случае, если найдутся люди, которые лучше разбираются в китайском языке, прошу прояснить этот момент. Либо когда-нибудь я постараюсь спросить об этом лично у автора.

[3] Здесь указано краткое название указа, полностью оно выглядит так: Указ об освобождении от налогов открытых приграничных округов.

[4] Шип в глазу, заноза в теле (□□□□□□) – это китайская пословица, подразумевающая врага, которого необходимо уничтожить.

[5] Стейнкер Клодье – один из восьми потомков Башни Искоренения, родившийся в королевстве Алумбия в Земле Шипов. Упоминается в главах 134 и 137.

http://tl.rulate.ru/book/27483/1666650